

УДК 811.161.1

DOI 10.22213/2618-9763-2026-2-113-118

М. А. Малёнкина, соискатель

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

В статье рассматривается проблема изучения повести В. И. Белова «Привычное дело» в аспекте лингво-конфликтологии. Дана характеристика основным оппозициям, представленным в творчестве писателя: «город – деревня» и «народ – власть». Обосновывается идея о том, что деревня для В. И. Белова является воплощением лада. Приведена классификация маркеров конфликта в соответствии с уровнями языка. Дано определение понятия «маркер конфликтности», указаны три основных признака лексических маркеров конфликтности: отрицательная оценочность, эмоциональная окраска, высокий когнитивно-прагматический потенциал в плане выражения агрессии, неприязни и пр. Особое внимание уделено описанию и характеристике вербальных лексических маркеров, которые встречаются в эпизодах конфликтной коммуникации персонажей «Привычного дела». Предпринята попытка классификации данных эпизодов по сюжетному признаку. Отмечено, что использование инвективной лексики не всегда является показателем наличия конфликта между коммуникантами: важно учитывать контекст повести. Установлено, что в тексте наиболее часто встречаются существительные из разряда инвективной и обценной лексики, зоосемантические метафоры, упоминания нечистой силы, прилагательные и глаголы с негативной оценкой и «осуждающей» семантикой, что помогает сделать выводы о трудностях и противоречиях, с которыми сталкиваются жители севернорусской деревни второй половины XX века, а также о качествах человека, которые в данной среде порицаются и ценятся. Указаны наиболее частотные вербальные лексические маркеры конфликтности, подтвержденные цитатами из повести. Доказано, что лексические маркеры конфликтной коммуникации выполняют значимые функции в тексте повести «Привычное дело»: диагностическую, эмотивную и прагматическую.

Ключевые слова: конфликтная коммуникация; лексические маркеры коммуникативного конфликта; лингвоконфликтология; «деревенская проза» В. И. Белова; севернорусская деревня

Введение

В. И. Белов – известный вологодский писатель-реалист, мастер «деревенской прозы». Для текстов произведений Василия Ивановича характерно семейно-бытовое повествование, что предоставляет возможности активного использования диалектизмов и просторечий. Автор мастерски сочетает литературный язык и живую разговорную речь жителей севернорусской деревни.

Особого внимания в творчестве В. И. Белова заслуживает повесть «Привычное дело», представляющая собой глубокое исследование деревенской жизни советского периода. Произведение находит отклик в сердце читателей и вызывает неизменный интерес ученых. Свидетельство тому – монография «Повесть В. И. Белова “Привычное дело как вологодский текст”» [1], «Энциклопедия “Привычного дела”» [2], серия статей Беловских сборников и др.

Рассмотрим «Привычное дело» в контексте лингвоконфликтологии. Это сравнительно молодая наука, изучающая сущность речевых конфликтов, их особенности, динамику, разновидности, механизмы возникновения и способы предотвращения. Художественное произведение

закономерно отражает конфликтность, присущую жизни общества. Следовательно, репрезентация конфликта в художественном тексте заслуживает самого пристального внимания, т. к. способствует пониманию скрытых механизмов, управляющих жизнью социума и психикой человека [3].

С помощью различных фонетических, лексических и синтаксических средств автор подчеркивает тесную связь деревенских жителей с природой и традиционным бытом, что является воплощением лада. Разлад – это, напротив, отрыв от родной деревни, традиций и устоев. Деревня для Василия Ивановича служит образом национального бытия и транслятором русского национального сознания [4].

Для произведений В. И. Белова характерны оппозиции «город – деревня» и «народ – власть». Как правило, именно с данными оппозициями связаны эпизоды конфликтной коммуникации в повести «Привычное дело». В произведении представлено немало эпизодов конфликтного общения, относящихся к различным речевым жанрам, среди которых спор, ссора, критика, обвинения, угрозы, насмешки (ирония и сарказм)¹.

Важным аспектом лингвоконфликтологии является выявление маркеров коммуникативного конфликта. Так называют признак или языковую единицу (слово, фразу, интонацию), которая указывает на возникновение, наличие или эскалацию разногласий между коммуникантами. Исследователи выделяют различные маркеры речевого конфликта. Распространена их классификация в соответствии с уровнями языка: фонетические, лексические, грамматические [5].

Целью исследования является выявление и анализ наиболее частотных лексических маркеров конфликтной коммуникации в повести В. И. Белова «Привычное дело».

Лексические маркеры конфликтности

Н. В. Карповская и соавторы выделяют три основных признака лексических маркеров конфликтности: отрицательная оценочность; эмоциональная окраска; высокий когнитивно-прагматический потенциал в плане выражения агрессивности, воинственности, враждебности, нетерпимости и т. д.

Лексическими маркерами конфликта выступают грубые, вульгарные и стилистически сниженные слова и выражения, инвективная и обценная лексика, зоосемантические метафоры и пр. Причем они могут быть как эксплицитными (явными), так и имплицитными (скрытыми). К имплицитным маркерам относятся, например, намеки, ирония, сарказм [6].

Стоит отметить, что маркеры, указывающие на наличие коммуникативной неудачи или конфликта, присутствуют не только в речи персонажей, но и в авторской речи.

Конфликтная коммуникация в повести

В. И. Белова «Привычное дело»

Можно условно выделить эпизоды повести В. И. Белова «Привычное дело», в которых встречаются лексические маркеры конфликтной коммуникации.

Персонажи ворчат на животных (например, высказывания Ивана Африкановича в адрес коня: «Ведь ты, дурак, и не пахивал», «Ты, прохвост, возжсей захотел?»; Еремиха отчитывает телёнка: «Прохвост, дьяволенок, шпана, ох уж я тебе и нахлещу...»).

Персонажи воспитывают детей (например, фразы бабки Евстоли: «Ишь, всю стену облили, прохвосты...»).

Персонажи ругают сами себя (например, монолог Ивана Африкановича: «А какое ты дураково поле, Иван Африканович!»).

Персонажи дают отрицательную характеристику другим людям – в диалогах с третьими лицами и мысленно (например, мысли Курова о Дашке Путанке: «Ой ты, сухорукая...»; высказывание Надежки о Мишке: «Путаник, дак путаник и есть!»).

Персонажи употребляют в речи ругательства для связки слов, выражения какого-либо чувства (например, ругань Дашки Путанки возле колодца: «Лешой, лешой, унеси, лешой, водяной!»).

Персонажи ругают неодушевленные предметы (например, слова о водке: «Вся беда, все горе от этой водки, чтобы она провалилась вся, чтобы сгорела огнём!»).

Персонажи употребляют бранные слова, стилистически сниженную лексику в адрес собеседника (например, (например, «Ой ты дурак, ой дурак!...»).

Кроме того, в произведении встречаются имплицитные маркеры конфликтности. Например, председатель употребляет слово «деятели» в качестве сарказма: «Деятели! Натворили делов, мать вашу...»

Интересно, что в повести В. И. Белова «Привычное дело» слова из разряда инвективной лексики, употребляемые персонажами, не всегда свидетельствуют о наличии коммуникативного конфликта между ними. Некоторые слова выполняют в тексте экспрессивную функцию, передают чувства и эмоции персонажей, однако не являются конфликтными. Значимую роль играет контекст и сопутствующие невербальные сигналы: например, то, с какой интонацией произносится ругательство. Например, слово «бес» в адрес одного из своих внуков бабка Евстоля произносит ласково:

– Бес ты, Володька, чистый бес, – ласково говорила бабка Евстоля...

В слове «шельма», которое является оценкой действий Мишки Петрова, звучит доля уважения и восхищения. Точно так же восхищенно деревенские бабы ругают отпускника Митьку: «...бабы с восхищением ругали его: «Принес леший в самый-то сенокос, ишь харю-то отъел. Только мужиков смущает, сотона полосатой» [7].

Рассмотрим, какие вербальные лексические маркеры конфликтной коммуникации являются в повести «Привычное дело» наиболее частотными.

Дурак / дурачок / дура / сдуреть / сдуру / дурачить (33 раза)

Ты, дурак, чего опять остановился?

Анна, да ты что, сдурела?

Дураково поле.

Пожалуй, это самое распространенное русское ругательство, причем относительно безобидное. Иногда в устах персонажей «Привычного дела» оно звучит даже ласково – *дурачок*. Интересно, что изначально на Руси слово «дурак» не являлось оскорблением. Некоторые лингвисты-историки связывают его с традицией имен-числительных: в больших семьях детей зачастую именовали согласно их очередности появления на свет (Первак, Вторак, Третьяк). Самым младшим оказывался Другак, который впоследствии трансформировался в Дурака. В некоторых исторических документах слово даже выступает в качестве имени собственного. Согласно исследованиям, нынешнее значение существительного «дурак» (глупый человек) появилось в языке лишь в XVII веке и связано с содержанием при дворе монарха шутов-дураков.

Существуют и другие версии происхождения слова. Слова *дурак*, *дура* образованы от общеславянского корня **dur*. По одной из версий, он восходит к индоевропейской основе **dheu(e)r* «бушевать; вертеться; спешить» (в таком случае дурак исходно – «сумасшедший, бешеный», далее – «глупый, дурной»), по другой версии, связан с основой «дуть».

Индоевропейская версия объясняет семантику однокоренных с корнем -дур- (ср. диалектное *дуреть* «кричать, шуметь, вести себя беспокойно, капризничать» и пр.).

В настоящее время слово *дурак* является негативной номинацией лица с точки зрения умственного развития, т. е. одним из лексических маркеров конфликтной коммуникации¹ [8].

Очень часто герои «Привычного дела» употребляют слова, так или иначе связанные с нечистой силой, в том числе с персонажами славянской демонологии.

Леший (20 раз).

Неси, леший, пока глаза-то не выколола! Неси вас леший, откуда пришли!

Леший с ней.

Водяной (6 раз).

Ой, отстань, дедко, к водяному!

Что ты, водяной с тобой, чего задумал-то!

Бес (9 раз).

Бес с ним...

На кой бес тебе ведро тратить

Дьявол (6 раз).

Выхлебал, дьявол...

Купаются, дьяволята, еще простудятся...

Сотона (5 раз).

Иди, откуда пришел, сотона!

Только мужиков смущает, сотона полосатой...

Чёрт (6 раз).

Какой ты, к чёрту, председатель?

Чёрт бы его побрал...

Упоминание нечистой силы (бесов, чертей, ведьм) в ругательствах уходит корнями в славянские поверья, где данные сущности олицетворяли злокозненность, потусторонний мир и враждебность человеку. Использование подобных выражений – это попытка призвать, навлечь или связать обидчика с существами, принадлежащими к «отрицательному» миру.

Например, *леший* – воплощение опасной лесной стихии. Отправка к лешему символизирует пожелание пропасть или встретить нечистую силу, т. к. леший мог запутать, напугать, навести болезнь или зацекотать человека².

В тексте повести встречаются также зоосемантические (зооморфные) метафоры, связывающие образ человека с восприятием домашних животных и птицы.

Пёс (4 раза).

Вот какой пёс...

Пёс, не парень, откуда что и берется?

Так Иван Африканович отзывается о Митьке. Причем в этих высказываниях не столько порицания, сколько восхищения.

Сука (2 раза).

Митька ржет, сукин кот...

Использование слов «пёс» и «сука» как ругательств связано с древним восприятием собаки как «нечистого» животного.

Курва (1 раз, о посуде).

Сдали мы ее, курву?

Слово заимствовано из польского языка (*курица*) и обозначает женщину легкого поведения.

В повести упоминаются такие слова, как *путаник*, *прохвост*, *прохиндей*, *бесстыдница*, *шпана*, *енвалид* (=инвалид), *разбойник/ца*, *охальница*, *пошехонцы*, *врун*, *бурлак*, *шельма*, *рожжа*, *мазурик*, *саналы*, *пьянчужки* и пр. [9].

Среди разнообразных лексических маркеров конфликтной коммуникации в повести В. И. Белова «Привычное дело» особое место занимает диалектная лексика: *бурлак* – «крестьянин, занимающийся отхожим промыслом»; *мазурик* – «неопрятный, грязный человек»; *саналы* – «бойкий, шаловливый человек»; *путаник* – «ветреный, легкомысленный человек»³. Инте-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А – Д). Москва : Прогресс, 1986. 576 с.

² Нечистая сила, нечисть // Мифологический словарь под ред. Е. М. Мелетинского. Москва : Советская энциклопедия, 1990. С. 388–389.

³ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда : ВГПУ. 1983–2007.

ресно, что слово, которое можно соотнести с ругательством, является даже прозвищем персонажа – *Путанка*, *Путанка лешева*. Использование подобных структурно-семантических средств, которые характерны для русской антропонимии, несет в себе цель выразить экспрессивно-оценочную семантику. Прозвище *Путанка* содержит указание на неразборчивость связей и легкое осуждение [10].

Данные слова и выражения можно отнести к различным группам на основе их семантики: слова, описывающие неопрятный, вызывающий внешний вид (*мазурик*, *рожжа*), физическую немощность (*енвалид*), распутство (*путаник/путанка*, *бесстыдница*, *охальница*), бесхозяйственность, недостаточная вовлеченность в бытовые нужды семьи и деревни (*бурлак*), лживость, склонность к обману (*врун*, *шельма*), стремление к легкой наживе (*прохвост*, *прохиндей*), склонность к пьянству и нарушению общественного порядка (*пьянчужка*, *санапал*, *разбойник*) и др.

Кроме того, бабка Евстоля, отчитывая внуков, употребляет интересное сравнение: «*Как пошехонцы, как пошехонцы!*». Сказка о пошехонцах играет смыслообразующую роль в «Привычном деле». Пошехонство описано как психологическая и поведенческая модель, которая отражает отрицательные ментальные качества. Следовательно, сказка учит детей тому, как жить не следует. Интересно то, что сказка Евстоля перекликается с «пошехонским» сюжетом в жизни Ивана Африкановича. «Пошехонские» качества встречаются и у детей Дрынова, и у многих взрослых персонажей повести (Мишка Петров, Дашка Путанка, Митька).

В сказке о пошехонцах представлена концепция общего дела, характерная для крестьян, но комически переосмысленная: несмотря на то, что пошехонцы действуют вместе, ничего хорошего из этого не выходит (многие из них даже гибнут). Следовательно, пошехонство является антипримером для жителей вологодской деревни [11].

Иногда персонажи используют в речи оценочную лексику, однако нецензурные слова и выражения не приводятся автором целиком: например, «*Ну и х... с тобой!*» (Митька Ивану Африкановичу).

Прилагательные, которые являются маркерами конфликтной коммуникации в повести: обобщенные (*проклятый*, *проклятуций*); частные, которые маркируют физическое несовершенство (*сухорукая*, *косоротая*, *хромоногая*), интеллектуальные способности (*пустологовый*);

либо нравственные качества (*бессовестный*). Все они указывают на отрицательную оценку личности и действий.

Глаголы: экспрессивные глаголы звучания и речи (*шуметь*, *спорить*), внешнего проявления эмоций (*обозлиться*, *огрызнуться*, *ерепениться* – «упрямиться, горячиться, спорить»), глаголы физического и физиологического действия (*отмахнуться*, *выхлебать*), в том числе и развивающие переносные значения (*прозевать*, *прохамкать* – «упустить что-либо важное»)¹.

Кроме того, на наличие возможной конфронтации между персонажами указывают слова и выражения, которые можно отнести к лексике несогласия, запрета: глаголы с отрицательной частицей «не» (например, *не буду*), предикатив *нельзя*, слово *нет*.

Сюда относятся междометия и частицы, используемые для усиления эмоциональной окраски: эх (выражает досаду, упрек (например, «Эх, вы!»); «Эх, Николай Иванович... Тебя бы на моё место»), ну (может выражать негодование, иронию) и пр.

Наконец, к лексическим маркерам конфликтной коммуникации относятся слова, прямо указывающие на неудачи в общении: например, *обидеться*, «*рассердиться*». Как правило, подобные лексемы встречаются в речи повествователя «он обиделся», «Митька рассердился *взаправду*» [12].

Выводы

Анализ представленных выше лексических маркеров конфликтной коммуникации позволяет сделать вывод о том, какие качества человека порицаются персонажами повести «Привычное дело», т. е. простыми жителями севернорусской деревни: хитрость, наглость, лживость, бессовестность, пьянство, лень, отсутствие хозяйственной сноровки, легкомыслие.

Следовательно, наоборот, ценится трудолюбие, честность, совестливость, открытость, выносливость. Именно такими положительными качествами обладают главные герои повести В. И. Белова – Иван Африканович и Катерина.

Лексические маркеры конфликтной коммуникации выполняют важные функции в тексте: диагностическую (указывают на наличие эксплицитного либо имплицитного конфликта между коммуникантами), эмотивную (передают спектр чувств и эмоций персонажей), прагматическую (влияют на ход коммуникативного конфликта, могут выступать в роли конфликтогена).

¹ Словарь вологодских говоров : учеб. пособие по русской диалектологии. Вып. 1–12. Вологда : ВГПУ. 1983–2007.

Таким образом, были выявлены наиболее частотные лексические маркеры конфликтной коммуникации в повести В. И. Белова «Привычное дело». К ним относятся инвективная и обценная лексика, зоосемантические метафоры, упоминания нечистой силы, глаголы и прилагательные с отрицательной семантикой. Анализ лексических маркеров конфликтной коммуникации в повести помогает выявить основные проблемы и противоречия, с которыми сталкиваются жители севернорусской деревни, глубже понять художественный замысел автора.

Библиографические ссылки

1. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст : монография / С. Ю. Баранов, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина [и др.]. Вологда : ВоГУ, 2016. 200 с. ISBN: 978-5-902579-99-1. EDN: YJYDJR
2. Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова : монография / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Воронина [и др.]. Вологда : Полиграф-Периодика, 2021. 655 с.
3. Белоконенко Л. А. Конфликтная коммуникация в художественном произведении как отражение авторской позиции // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 126–129. EDN: RVUQTV
4. Андреева Т. Н. Жанрово-стилевое своеобразие рассказов В. И. Белова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва : Изд-во МГУ, 1986. 16 с.
5. Шпомер Е. А. Коммуникативные неудачи в диалогическом общении: к проблеме системного описания вербальных и невербальных средств актуализации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 3. С. 177–182.
6. Карповская Н. В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтности и их когнитивно-прагматическом потенциале // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2022. № 1 (2). С. 14–25.
7. Белов В. И. Повести и рассказы. Москва : Художественная литература, 1984. С. 10–127.
8. Милютин М. Г., Чиркова Н. И. Слово дурак и его производные как предмет судебной лингвистической экспертизы // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. № 2. С. 173–177. EDN: QBJMAV
9. Белов В. И. Повести и рассказы. Москва : Художественная литература, 1984. С. 10–127.
10. Ильина Е. Н., Фишер Н. Л. Локальная языковая картина мира в произведениях В. И. Белова и проблемы художественного перевода // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2 (38). С. 74–77. EDN: PCDGFD
11. Берсенева Л. А., Федорова А. В. Локальная смеховая культура и языковые средства ее выражения в художественной прозе В. И. Белова 1960-х годов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2 (89). С. 106–115. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-10. EDN: ZDTUHR
12. Белов В. И. Повести и рассказы. Москва : Художественная литература, 1984. С. 10–127.

References

1. Baranov S.Yu., Voronina T.N., Golovkina S.X. [i dr.]. *Povest' V.I. Belova "Privy'chnoe delo" kak vologodskij tekst : monografiya* [V.I. Belov's story "A Habitual Affair" as a Vologda text, a monograph] 2016, 200 p. Vologda, VoGU. (in Russ.). ISBN: 978-5-902579-99-1. EDN: YJYDJR
2. Baranov S.Yu., Berseneva L.A., Voronina T.N. [i dr.]. *E'nciklopediya "Privy'chnogo dela" V. I. Belova : monografiya* [Encyclopedia of "Habitual Matters" by V. I. Belov, monograph]. Vologda: Polygraph-Periodica Publ., 2021, 655 c. (in Russ.).
3. Belokonenko L.A. [Conflict communication in a work of art as a reflection of the author's position]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 37 (328), pp. 126-129. (in Russ.). EDN: RVUQTV
4. Andreeva T.N. *Zhanrovo-stilevoe svoeobrazie rasskazov V. I. Belova : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Genre and stylistic originality of V. I. Belov's stories: author's abstract. diss. ... candidate of philological sciences]. Moscow, Moscow State University Press Publ., 1986. 16 p. (in Russ.).
5. Shpomer E.A. [Communicative failures in dialogic communication: towards the problem of systematic description of verbal and non-verbal means of actualization]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 2013, no. 3, pp. 177-182. (in Russ.).
6. Karpovskaya N.V. [On conflict discourse, lexical markers of conflictogenicity and their cognitive-pragmatic potential]. *Byulleten' gumanitarny'x issledovanij v mezhdisciplinarnom nauchnom prostranstve*, 2022, no. 1 (2), pp. 14-25. (in Russ.).
7. Belov V.I. *Povesti i rasskazy* [Stories and Short Stories]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1984, c. 10-127. (in Russ.).
8. Milyutina M.G., Chirkova N.I. [The word fool and its derivatives as a subject of forensic linguistic examination]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"*, 2013, no 2, pp. 173-177. (in Russ.). EDN: QBJMAV
9. Belov V.I. *Povesti i rasskazy* [Stories and Short Stories]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1984, c. 10-127. (in Russ.).
10. Il'ina E.N., Fisher N.L. [The local linguistic picture of the world in the works of V. I. Belov and the problems of literary translation]. *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 2 (38), pp. 74-77. (in Russ.). EDN: PCDGFD
11. Berseneva L.A., Fedorova A.V. [Local culture of laughter and linguistic means of its expression in the fiction of V. I. Belov in the 1960s]. *Vestnik Cherepo-*

veczkogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, no. 2 (89), pp. 106-115. (in Russ.). DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-10. EDN: ZDTUHR

12. Belov V.I. *Povesti i rasskazy* [Stories and Short Stories] \\. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1984, c. 10-127. (in Russ.).

M. A. Malyonkina, Applicant
Vologda State University, Vologda, Russia

LEXICAL MARKERS OF CONFLICT COMMUNICATION IN V.I. BELOV'S STORY "PRIVYCHNOYE DELO"

This article examines V.I. Belov's story "Privychnoye delo" from the perspective of conflict linguistics. It characterizes the main oppositions presented in the writer's work: "city vs. village" and "people vs. government". It substantiates the idea that for Belov, the village embodies harmony. A classification of conflict markers according to linguistic levels is presented. The concept of "conflict marker" is defined, and three key features of lexical conflict markers are identified: negative evaluativeness, emotional overtones, and a high cognitive-pragmatic potential for expressing aggression and hostility. Particular attention is given to the description and characteristics of verbal lexical markers found in episodes of conflictual communication between characters in "Privychnoye delo". An attempt is made to classify these episodes according to plot features. It is noted that the use of invective vocabulary is not always an indicator of international conflict between communicants: it is important to consider the context of the story. It has been established that the text most frequently contains nouns from the category of invective and obscene vocabulary, zoosemantic metaphors, references to evil spirits, adjectives and verbs with a negative assessment and "condemnatory" semantics, which helps draw conclusions about the difficulties and contradictions faced by residents of a northern Russian village in the second half of the 20th century, as well as about the human qualities that are condemned and valued in this environment. The most frequent verbal lexical markers of conflict potential are identified, supported by quotations from the story. It is proven that lexical markers of conflict communication perform significant functions in the text of the story "Privychnoye delo": diagnostic, emotive, and pragmatic.

Keywords: conflict communication; lexical markers of communicative conflict; linguoconflictology; "village prose" by V.I. Belov; northern Russian village

Получена: 26.04.2026
ГНРТИ 16.21.33

Образец цитирования

Малёнкина М. А. Лексические маркеры конфликтной коммуникации в повести В. И. Белова «Привычное дело» // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2026. Т. 22, № 2. С. 113–118. DOI: 10.22213/2618-9763-2026-2-113-118

For Citation

Malyonkina M.A. [Lexical markers of conflict communication in V.I. Belov's story "Privychnoye delo"]. *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika*, 2026, vol. 22, no. 2, pp. 113-118 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2026-2-113-118